

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. ВОЛВЕНКО

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ ЭПОХИ

Земля. Служба. Власть
Вторая половина XIX — начало XX века

Новейшие исследования по истории России

Алексей Волвенко

**Донское казачество
позднеимперской эпохи.
Земля. Служба. Власть. 2-я
половина XIX в. – начало XX в.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470)(075.8)

ББК 63.3(2)

Волвенко А. А.

Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-я половина XIX в. – начало XX в. / А. А. Волвенко — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-07772-1

В книге в научно-популярной форме проанализированы основные вехи истории донского казачества в позднеимперский период. Автором рассмотрены наиболее спорные вопросы развития донского казачества во 2-й половине XIX – начале XX в.: эволюция казачьих привилегий; трансформация системы войскового, станичного и земского управления; эффективность казачьей службы и ее стоимость для государства и казачьей семьи. Отдельное внимание уделено описанию территории Донского войска, его войсковых и окружных границ.

УДК 94(470)(075.8)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-07772-1

© Волвенко А. А., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	6
Очерк 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А.А. Волвенко

**Донское казачество позднеимперской
эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-
я половина XIX в. – начало XX в.**

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Введение

История казачества изобилует разнообразной литературой. Растет количество интернет-публикаций, в которых авторы более оперативно откликаются на актуальные вопросы, интересующие современных казаков и просто любителей казачьей «старины». Многочисленные работы по истории казачества имеют как классический научно-исследовательский характер, так и научно-популярный или пишутся в стиле фолк-истори.

Нашу книгу, посвященную истории донского казачества, мы относим скорее к научно-популярному жанру, а на возможный вопрос потенциального читателя, чем она будет отличаться от других подобных произведений, ответим следующим образом.

Во-первых, историческим периодом, которому будет уделено основное внимание. Вторая половина XIX – начало XX в. является, пожалуй, наиболее важной вехой в истории развития российского казачества, и донского в частности. В это время под влиянием процессов модернизации в поздне-имперской России казачество довольно радикально трансформируется, теряя свои сословные привилегии. Унифицированная военная служба, вписанная в требования регулярной армии, становится главным отличительным признаком казака. К тому же казачьи семьи начинают испытывать серьезные трудности экономического характера, связанные с необходимостью соблюдать повышенный уровень готовности к исполнению служебных обязанностей и медленной эволюцией казачьего хозяйственно-культурного типа на фоне быстрых изменений в капитализирующихся экономиках казачьих территорий.

По этому периоду в истории донского казачества написано немало диссертаций исторического, юридического и экономического профилей, затрагивающих различные аспекты аграрного, военного, управленческого и правового развития Области войска Донского и его населения. В обобщающих трудах и в учебных пособиях по истории Донского края, казачества Юга России или только Донского войска обязательно присутствует раздел, описывающий изменения в казачьей жизни второй половины XIX – начала XX в. Тем не менее отдельно этот период донской казачьей истории был рассмотрен только в 1962 г. И.П. Хлыстовым в монографии «Дон в эпоху капитализма (60-е – середина 90-х годов XIX века): очерки из истории Юга России», основное содержание которой затем перекочевало в книгу «История Дона. Эпоха капитализма» (1973)¹. К тому же в упомянутых работах исследовательский акцент был направлен прежде всего на историю донского региона, в котором наряду с казачеством проживало другое население. Конечно, современная историография реагировала разными способами на актуализирующие вопросы из истории донского казачества второй половины XIX – начала XX в., но цельно данный период еще не охватила².

Во-вторых, подходом к освещению избранной темы. Создать последовательную обобщающую картину эволюции донского казачества второй половины XIX – начала XX в., плотно насыщенной событиями, одному автору вряд ли по силам. Поэтому мы ограничились описанием наиболее важных изменений в Донском крае и в казачьей жизни всего в трех очерках, не переходя за пределы революции 1905–1907 гг.³ Собственно название книги и очерков недвусмысленно говорит о том, что главным объектом нашего внимания является исключительно донское казачество⁴. Такой угол зрения, безусловно, несет в себе определенные ограничения и, возможно, носит искусственный характер. Однако мы уверены в том, что своего рода «национальный», но «аккуратный» в научном плане взгляд на историю донского казачества позднеимперского периода для историографии раскроет новые проблемы, а пытливого читателя подвигнет на поиск более глубоких и взвешенных оценок пройденного казачеством пути.

Донской историк-эмигрант С.Г. Сватиков в своей ставшей уже классической работе «Россия и Дон (1549–1917)» использовал методы, характерные для государственно-правовой,

либеральной исторической школы; советские историки Дона, как известно, исповедовали классовую теорию исторического процесса. Для последнего подхода в нашей работе не нашлось места, что, безусловно, не является подтверждением факта отсутствия социальных противоречий в дореволюционной казачьей среде, не отличающейся имущественной и статусной однородностью. Наше повышенное внимание к институциональным изменениям в Донском войске и к политике властей в казачьем вопросе обусловлено определенным влиянием концепции С.Г. Сватикова. В то же время мы предпочитали применять ситуативный анализ событийного процесса в сочетании с описательностью наиболее важных его компонентов. Выбор научно-популярного жанра в некоторой степени оправдывает такое методологическое «легкомыслие».

В основу книги положена значительно расширенная и дополненная наша глава из «Очерков истории и культуры казачества Юга России» (2014)⁵.

Книга оснащена необходимым научно-справочным аппаратом, имеет приложение с документами, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Очерк 1

Донской казак и его «территория»: от границ до привилегий

В середине XIX в. донское казачество занимало значительную территорию, имевшую административное название – Земля войска Донского (далее – ЗвД). Ее границы формировались постепенно, в основном были определены в 90-х гг. XVIII в. (тогда же появилась первая официальная карта ЗвД), но затем видоизменялись вплоть до начала XX в. Также была переименована и ЗвД, которая с 1870 г. стала называться Областью войска Донского (далее – ОвД).

Специальная комиссия, устанавливая пределы ЗвД в 1795–1796 гг., буквально прошла и проехала около 2540 верст⁶, в том числе: по границам Екатеринославской губернии – 445 верст, Харьковской – 142, Воронежской – 390, Саратовской – 367, Астраханской – 272, Ставропольской – 205, по Черноморскому (Кубанскому) войску – 122, по берегу Азовского моря – 115 и по Ростовскому-на-Дону уезду – 482 версты⁷. Таким образом, ЗвД соприкасалась с севера с Воронежской и Саратовской губерниями; с востока – Саратовской и Астраханской; с юга – землями Черноморского (Кубанского) казачьего войска (в начале 60-х гг. XIX в. разделенных между Ставропольской губернией и Кубанской областью) и Азовским морем; с запада – Екатеринославской, Харьковской и Воронежской губерниями. ЗвД обнимала своей территорией Таганрогское градоначальство, имевшее особое управление и портовый выход к Азовскому морю, и Ростовский-на-Дону уезд, располагавшийся в низовьях р. Дон, относившийся к Екатеринославской губернии, но непосредственно не входивший в ее состав.

Границы войска Донского в середине XIX в. проходили «большой частью искусственную межевую нарезкою по суходолу⁸, а по живым урочищам...⁹ на 1100 верст». В описании члена донского статистического комитета В.Н. Ветчинкина «войсковая граница» выглядела следующим образом: «По суходольным местам прорезан плугами трехсаженной ширины межник¹⁰, а по живым урочищам взяты линии, называемые магистралами, определяющие с точностью направление этих естественных меж. На всех поворотах учреждены межевые признаки: по прямым линиям, через каждые полуверсты, вырыты губернской меры межевые ямы, в них в каждую положены уголья и по три диких камня»¹¹.

С северо-востока на юго-запад территория ЗвД простиралась на 590 верст; а в своеобразную «ширину», то есть в направлении с северо-запада на юго-восток, 410 верст, при этом протяженность р. Дон внутри войска составляла 885 верст¹².

Известный донской офицер, писатель и краевед Н.И. Краснов в своем, пожалуй, главном труде «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» (1863) писал, что «настоящие границы ЗвД определены с точностью, но некоторые пункты пограничной черты, при устьях Дона, дают казакам и их соседям повод к взаимным притязаниям и спорам, особенно за рыбные ловли»¹³. Он имел в виду здесь Ростовский-на-Дону уезд. Его границы были напрямую связаны с прикрепостной территорией двух форпостов имперской власти в Приазовье – крепостей Троицкой на Таганьем рогу и Святого Димитрия в устье Темерника. Из-за их строительства казаки оказались отрезанными от моря, что породило «споры и борьбу за гирла и взморье». Ростовский-на-Дону уезд производил на современников «странное впечатление», оказываясь внутри войска Донского, но при этом отделенным от Екатеринославской губернии, в которую формально входил. Сам же уезд являлся чересполосным. «Пространство земли между Самбеком и Чалтырем и от Чалтыря до Несветая присоединено к Екатеринославской губернии; но весь морской берег с рыбными

ловлями и морскими угодьями и весь берег р. Донца на 5 верст внутрь, да по правому берегу Тузлова на 6 верст до вершины Самбека оставлены за войском»¹⁴. На этой войсковой территории были основаны Елисаветовская и Гниловская станицы, специализировавшиеся на рыболовстве. Их жителям приходилось выдерживать острую конкуренцию, доходившую иногда до открытой вооруженной борьбы с окрестными «богачейшими рыболовными селами выходцев из России». Даже после вхождения Таганрогского градоначальства и Ростовского-на-Дону уезда в состав ОвД в 1887 г. (подробнее об этом далее) известный краевед начала XX в. В. Богачев констатировал, что «действительная граница земель и вод Всевеликого войска Донского в гирлах Дона и на взморье до сего времени остается спорной»¹⁵.

Тем не менее из-за присоединения длина и очертания границ ОвД изменились. В более современном и, возможно, более точном «Военно-статистическом описании Области войска Донского» В.В. Лобачевского (1908) говорится о 2148 верстах границы ОвД, из которых: 280 верст соприкасаются с Таганрогским заливом Азовского моря (между устьями рек Кальмиус и Ея); 180 верст (от устья р. Ея до с. Средне-Егорлыкское) с Кубанской областью; 213 верст (от с. Средне-Егорлыкское до кургана Грановитого у лимана Большого) со Ставропольской губернией; 275 верст (от Грановитого кургана до р. Червленной южнее г. Цдрицына (современный Волгоград) с Астраханской губернией; 380 верст (от р. Червленной до буерака Панского около д. Сербина) с Саратовской губернией; 370 верст (от Панского буерака до д. Анновско-Ребриково) с Воронежской губернией; 145 верст (от д. Анновско-Ребриково до устья р. Ковсук) с Харьковской губернией и 405 верст (от устья р. Ковсук до устья р. Кальмиус) с Екатеринославской губернией. Таким образом, 1968 верст приходилось на долю сухопутных, 280 верст – на долю морских границ¹⁶.

Северная граница ОвД лежит приблизительно на одной широте с городами Лондоном, Лейпцигом, Виннипегом и пр., южная граница на широте Лиона, Милана, Харбина, Монреаля и пр., середина ОвД – на широте Парижа, Мюнхена, Вены¹⁷. Войсковая столица – с 1805 г. Новочеркасск – находится приблизительно на одной параллели с городами Кишиневом, Офеном в Венгрии и устьем реки Луары во Франции. В красочном описании В. Богачева такое расположение войсковой территории соответствовало своеобразному климату, господствовавшему на ней: «Почти бесснежная, теплая, туманная зима Лондона и Парижа, туманное сырое лондонское лето, теплое и довольно влажное лето Парижа равно отличны от многоснежной морозной зимы и знойного, долгого лета наших срединных и северных округов, как и суровая зима Нерчинска, побережья Гудзона или Ньюфаундленда, как сырое, душное лето Сахалина, Канады или страшное лето в пустынях Монголии»¹⁸.

По расчетам Н.И. Краснова общая площадь ЗвД в середине XIX в. составляла около 14,5 млн десятин¹⁹ земли, по этому показателю превосходя в 5 раз Московскую и в 3 раза Санкт-Петербургскую губернии, занимая 7-е место между губерниями и областями Европейской России²⁰. Сведения о площади ЗвД (ОвД) неоднократно корректировались в связи с работами межевой комиссии при войсковой администрации и совершенствованием статистических методов. Так, в начале 80-х гг. XIX в. известный донской краевед С.Ф. Номикосов приводил, например, следующие цифры: 14 517 011 десятин, что соответствовало 139 363 квадратным верстам или 2844 квадратным милям²¹, а В. Богачев уже после расширения ОвД за счет Таганрогского градоначальства и Ростовского-на-Дону уезда определял войсковую территорию в 144 586 квадратных верст, делая заключение, что «до настоящего времени мы не имеем бесспорно точного исчисления площади»²². По величине территории ОвД в начале XX в. занимала 22-е место среди губерний и областей всей Российской империи и по сравнению (по тому времени) с некоторыми европейскими государствами была равна Болгарии вместе с Грецией, больше Румынии в полтора раза, Сербии в три раза и Бельгии в 5 раз²³.

Также разнились данные о количестве удобной земли, но в целом они не выходили за пределы 12,5—13 млн десятин. По этому показателю ЗвД находилась в условиях, которых «не имеет ни одна губерния или область Европейской России; также и в отношении сенокосной земли она занимает первое место; в отношении обработанности почвы – 37-е и в отношении лесов 47-е место между другими губерниями и областями»²⁴. Действительно, из общей площади ОвД начала XX в. леса занимали всего около 2 %, или 327 тыс. десятин. Такое количество леса современниками признавалось недостаточным для удовлетворения потребностей населения и обуславливало «громадный ввоз разного леса в область». Между тем неудобная земля, в основном представляющая собой пески (в начале XX в. площадью около 600 тыс. десятин²⁵), практически не использовалась для лесонасаждения.

Территория войска Донского в середине XIX – начале XX в. имела большое значение в общей системе сухопутных сообщений имперской России. Через нее пролегал главнейший путь из Москвы на Кавказ, через нее осуществлялись торговые коммуникации с Одессой и другими южными портами России. Однако состояние путей сообщения на Дону оставляло желать лучшего на протяжении всего рассматриваемого нами периода. В описании середины XIX в. донские дороги выглядели следующим образом: «Почти все дороги зимой (в январе и частью в феврале) и в сухое время остального года (с апреля нередко по ноябрь) представляют сеть превосходных сообщений, удобством не уступающих шоссе; но после 2–3 ненастных дней все изменяется: почва обращается в грязь, бегущие ручьи, играющие балки сносят ветхие мосты, лощины и места низменные наполняются водой. Порче дорог еще содействуют чумацкие обозы²⁶, которые и в хороший зимний путь покрывают дороги выбоинами и ямами»²⁷. Ямщицкий промысел на Дону развит не был, правильно устроенных дорог – шоссе – казаки не имели. Н.И. Краснов в начале 1860-х гг. давал такие рекомендации путешественникам по донской земле: «Проезжающий должен запастись всем необходимым, потому что на станции кроме самовара он ничего не найдет, даже вода большею частью дурного качества»²⁸. Советы Краснова действительно были не лишними, так как время, потраченное на преодоление расстояний между потенциальными пунктами прибытия-отбытия, было весьма значительным. От Санкт-Петербурга казачью столицу Новочеркасск отдаляли 1714 верст, от Москвы – 1041 верста (по расчетам того времени), или около 1829 км и 1111 км соответственно²⁹. До постройки сети железных дорог, для того чтобы добраться из Новочеркасска до Москвы, требовалось около 140 часов (почти 6 суток) хорошей езды на почтовых лошадях³⁰, то есть средняя скорость путешествующего составляла около 8 км в час. О расстоянии между окружными станциями войска Донского можно судить по следующей таблице, взятой из «Дорожника Области войска Донского» за 1877 г.³¹

Таблица 1

Названия	Новочеркасск	Новониколаевская	Каменская	Константиновская	Нижне-Чирская	Усть-Медвед.	Урюпинская
	верст						
Новочеркасск гор. (Черкасский округ)	—	207	127	124 $\frac{1}{4}$	315 $\frac{3}{4}$	391	575 $\frac{1}{2}$
Новониколаевская, стан. (Миусский округ)	207	—	334	331 $\frac{1}{4}$	522 $\frac{3}{4}$	598	782 $\frac{1}{2}$
Каменская, стан. (Донецкий округ)	127	334	—	124 $\frac{1}{2}$	234	264	448 $\frac{1}{2}$
Константиновская, стан. (Первый Донской округ)	124 $\frac{1}{4}$	331 $\frac{1}{4}$	124 $\frac{1}{2}$	—	191 $\frac{1}{2}$	304	488 $\frac{1}{2}$
Нижне-Чирская, стан. (Второй Донской округ)	315 $\frac{3}{4}$	522 $\frac{3}{4}$	234	191 $\frac{1}{2}$	—	148 $\frac{1}{2}$	333
Усть-Медведицкая, стан. (Усть-Медведицкий округ)	391	598	264	304	148 $\frac{1}{2}$	—	184 $\frac{1}{2}$
Урюпинская, стан. (Хоперский округ)	575 $\frac{1}{2}$	782 $\frac{1}{2}$	448 $\frac{1}{2}$	488 $\frac{1}{2}$	333	184 $\frac{1}{2}$	—

Таким образом, наименьший путь составлял 124,5 версты от станции Каменской до станции Константиновской, а наибольший – от Урюпинской до Новониколаевской – 782,5 версты, для их преодоления требовалось около 16 часов, и 98 часов, или 4 суток соответственно. Для рассматриваемого периода упомянутые расстояния и временные затраты были весьма значительны. Это затрудняло коммуникацию между станицами, создавало дополнительные проблемы для путешественников.

Условия для поездок с течением времени практически не менялись. С.Ф. Номикосов писал в начале 1880-х гг.: «Шоссейных дорог область вовсе не имеет, а грунтовые представляют своего рода злобу дня... если по состоянию путей можно судить о развитии народа, – то Донское казачество следует считать весьма отсталым, так как грунтовые дороги в пределах области и ныне находятся почти в таком же безотрадном состоянии, в каком находились за полстолетия назад»³². Его современник, управляющий донской казенной палатой Н. Барсов дал еще более выразительную характеристику донских дорог: «Во время путешествия из Новочеркаска в Усть-Медведицу и Нижние Чиры мне лично приходилось переезжать такие пространства, на которых в иной благоустроенной губернии были бы целые десятки разных мостов, перевозов и гатей. Приходилось переезжать реки без мостов, вязкие места без гатей и, наконец, вследствие дождей, самое путешествие останавливалось за невозможностью двинуться ни вперед, ни назад»³³. В начале XX в. ситуация с дорогами на Дону так и не улучшилась. В. Богачев в «Очерке географии Всевеликого войска Донского» (1919) констатировал, что «грунтовые дороги очень плохи... В дождливое время они делаются почти непроходимыми. Мостов мало...»³⁴.

Безусловно, появление на Дону железных дорог оживило местную сеть путей сообщения. Железнодорожное строительство в ЗвД началось с заложения Грушевско-Аксайской железной дороги в 1861 г. В начале XX в. ОвД прорезывали уже шесть железных дорог: Грязе-Царицынская, Волго-Донская, Курско-Харьковско-Азовская, Донецкая каменноугольная, Козлово-Воронежско-Ростовская и Ростово-Владикавказская. Их общая протяженность по ОвД составляла 1691 версту, из которых только на 358 верстах были проложены две колеи, остальные являлись одноколейными³⁵. Однако местное население и даже военные власти неоднократно жаловались на высокие железнодорожные тарифы³⁶, препятствующие увеличению пассажиропотока и торговых перевозок. Иначе говоря, железнодорожное путешествие по донской земле мог себе позволить далеко не каждый местный уроженец.

Внутреннее пространство ЗвД до 80-х гг. XIX в. в гражданском отношении разделялось на семь округов: Черкасский, Первый Донской округ, Второй Донской округ, Усть-Медведицкий, Хоперский, Донецкий, Миусский округа. Кроме того, в южной части ЗвД часть земли была отведена для калмыцких кочевий и частных конских табунов. В 1884 г. из этих земель образовался восьмой округ – Сальский, в который также вошли Манычские войсковые соляные участки с поселениями на них и часть свободных войсковых земель по правому берегу р. Сал, с казачьими и крестьянскими поселениями. Центром управления нового округа стала станица Великокняжеская. Наконец, в 1887 г. в состав ОвД вошли Таганрогское градоначальство и Ростовский-на-Дону уезд и образованы соответственно Таганрогский округ с присоединением к нему и ликвидацией Миусского округа и Ростовский округ, к которому отошла часть земель Черкасского округа.

В отношении отбывания воинской повинности казачьим населением войско Донское разделялось с 1835 по 1866 г. на четыре военных округа. В 1866 г. округа были переименованы в отделы, а после 1875 г. отделов стало пять. Управление 1-го военного отдела находилось в г. Новочеркасске; 2-го отдела – в ст. Каменской; 3-го отдела – в ст. Нижне-Чирской; 4-го отдела – в ст. Усть-Медведицкой и 5-го отдела – в ст. Урюпинской. В 1886 г. военные отделы территориально были слиты с «гражданскими» округами с образованием одноименных шести военных округов – Черкасского, Первого Донского, Второго Донского, Усть-Медведицкого, Хоперского и Донецкого. Границы этих военных округов в целом соответствовали границам гражданских округов. Однако в состав Черкасского военного округа вошли еще станицы Ростовского и Таганрогского гражданских округов, а станицы Сальского округа были распределены между Первым и Вторым Донскими военными округами.

В краеведческой литературе нет подробных описаний внутренних, окружных границ войска Донского. Получить некоторое представление о них можно по картам ЗвД и ОвД, составленным в XIX – начале XX в., а также из источников законодательного характера (см. приложения 1 и 2).

Окружные границы подвергались во второй половине XIX в. неоднократным изменениям. В 1877 г. станица Богаевская Первого Донского округа вошла в состав Черкасского округа³⁷. В 1886 г. произошло перераспределение земель, как свободных, так и со станицами между Первым и Вторым Донскими округами, Усть-Медведицким и Донецким округами. Так, юго-западная часть Второго Донского округа вместе со станицами Цимлянкой, Терновской, Филиповской, Баклановской и Нижне-Курмоярской до общей границы последней со станицей Нагавской и западной границы 12-го отдела войсковых свободных земель, включая находившиеся в нем владельческие и крестьянские земли, присоединились к Первому Донскому округу; западная часть Усть-Медведицкого округа вместе со станицами Казанской, Вешенской, Мигулинской и Еланской до общей границы Еланской и Усть-Хоперской станиц и западной границы 20-го отдела войсковых свободных земель, включая находившиеся в нем владельческие и крестьянские земли, вошли в состав Донецкого округа³⁸.

В мае 1886 г. на совещании министров и войскового наказного атамана (далее – в. н. а.) войска Донского Н.И. Святополк-Мирского при личном участии Александра III было признано «полезным и необходимым присоединение Ростовского-на-Дону уезда и Таганрогского градоначальства к ОвД». Детали присоединения разрабатывала особая комиссия в Новочеркасске. Итогом ее работы стало перераспределение земель между новообразованным Ростовским, а также Черкасским и Миусским округами, зафиксированное в высочайше утвержденном 19 мая 1887 г. мнении Государственного совета³⁹. В результате часть земель Черкасского округа вошла в состав Ростовского, в том числе две казачьи станицы (Гниловская и Елисаветовская) с войсковым займищем⁴⁰ и 21 хутором. Часть крестьянских волостей Ростовского округа перешла в Миусский округ, переименованный в Таганрогский округ⁴¹. Объясняя причины

такого крупного территориального переустройства ОвД и Приазовья, современники и исследователи в первую очередь упоминают об экономических, административных и даже полицейских факторах. Например, на заседаниях комиссии говорилось о том, что «торговое положение Таганрога, несмотря на 80-летнее существование градоначальства, вовсе не получило такого обширного развития, какое ожидалось». Власти Ростова-на-Дону жаловались на значительную отдаленность от губернского центра, что сказывалось на оперативности принимаемых решений. Кроме того, бурный промышленный рост Ростова-на-Дону актуализировал рабочий вопрос и необходимость быстрой силовой реакции властей на рабочие протесты и революционное движение⁴². Таким образом, по логике властей, появление «новой» укрупненной ОвД должно было способствовать решению назревших проблем.

Следует сказать, что дебаты о новом административном разделении донских земель и Приазовья велись в правительственных кругах еще с 30-х гг. XIX в., под них разрабатывались различные проекты, в том числе по созданию отдельной Таганрогской губернии с присоединением к ней Миусского округа⁴³. Однако в итоге именно ОвД была выбрана центром притяжения для Ростова-на-Дону и Таганрога. Такое решение, как нам кажется, обусловлено как минимум двумя обстоятельствами.

В Высочайших жалованных грамотах, отсылаемых к донским казакам начиная с екатерининских времен, неизменно встречается почти стандартная фраза о «неприкосновенности всех выгод, угодий и окружности владений донского казачества, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков его...» (см. приложения 3 и 20). Представители дома Романовых тщательно оберегали миф об особых отношениях династии и казаков и предпочитали лично не нарушать, по крайней мере явно и публично, своего монаршего слова. Таким образом, вариант с возможным отторжением земель из состава ОвД подразумевал серьезные репутационные издержки для царствующего дома, а также негативную реакцию самого казачества.

Расширение владений ОвД, казалось бы, также вступало в определенное противоречие с упомянутым отрывком из Высочайших грамот, но переименование Земли войска Донского в Область в 1870 г. создавало потенциально благоприятную правовую и даже символическую среду для административно-территориальных изменений.

В записке военного министра Д.А. Милютин к Александру II от 26 апреля 1870 г. было предложено воспользоваться предстоящей реформой Войскового правления для переименования ЗвД в ОвД. В записке отмечалось, что «название Войскового Правления войска Донского не соответствует действительному значению этого административного учреждения, т. к. до него не относятся никаких собственно войсковых обязанностей, а все предметы его ведомства заключаются исключительно в гражданском управлении краем, причем и подведомственное ему народонаселение состоит более чем на $\frac{1}{3}$ часть из лиц гражданского состояния. Поэтому... было бы удобнее переименовать ЗвД в ОвД и Войсковое Правление в Областное Правление... Дабы не издавать по этому предмету особого законодательного акта... не соизволите ли при поднесении из Государственного совета... проекта преобразования Войскового правления в Высочайшей резолюции утвердить этот проект: «с тем, чтобы Земля войска Донского переименована в Область войска Донского и Войскового Правления в Областное правление войска Донского». На записке Александр II собственной рукой начертил карандашом «со-ъ» («согласен». – В. А.)⁴⁴. Однако вскоре выяснилось, что император уже утвердил реформу Войскового правления 23 апреля, поэтому Военное министерство срочно подготовило проект высочайшего указа Правительствующему сенату о переименовании, который Александр II и подписал 21 мая 1870 г. в г. Эмсе⁴⁵.

Мы убеждены, что за сухой формулировкой закона о необходимости «согласования наименования земли войска Донского и Войскового Правления с общепринятыми наименованиями в Империи» кроется словесное уничтожение даже намек на самость донского казаче-

ства, на его территориальную «отдельность». В этом акте С.Г. Сватиков вообще увидел «несомненно, определенное политическое значение», а не «обычное и заурядное административное распоряжение»⁴⁶. При любой интерпретации наименование «Земля войска Донского», корнями уходящее в средневековую эпоху расширения московского царства, указывало на принадлежность земли ее владельцу – войску Донскому, **на которой** казаки собственно и проживают. Наименование «Область» не подразумевает конкретного владельца, кроме, естественно, царствующей династии, подчеркивает окраинный, **присоединённый** характер территории, население которой теперь располагалось **в Области**, без монополии на земельную собственность (выделено нами. – В. А.). С ОвД как административно-территориальной единицей центральная власть могла делать все, что пожелает, в рамках имперского права. Очевидно, что территориальные изменения на Дону и в Приазовье во второй половине XIX в. следует рассматривать именно в данном контексте.

Среди округов ЗвД-ОвД на всем протяжении рассматриваемого нами периода традиционно казачьими являлись Черкасский, Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский и, отчасти, Донецкий. В составе Миусского (Таганрогского) округа находилась всего одна станица, Новониколаевская. В Ростовском и Сальском округах располагалось по две казачьи станицы. Сальский округ считался калмыцким, так как преимущественно на его территории проживали калмыки, формально причисленные к казачьему сословию⁴⁷.

В таблице 2 представлены количественные данные о размерах округов, наличии станиц и численности казачьего населения, в том числе в процентном отношении к общему количеству населения в округах за 1868 и 1900 гг.⁴⁸

Таблица 2

Название округов	1868 г.					1900 г.				
	Кол-во земли в дес.	Кол-во казачьего (войскового) населения	Общее кол-во населения	Кол-во станиц	Кол-во казачьего (войскового) населения от общего (%)	Кол-во земли в дес.	Кол-во казачьего (войскового) населения	Общее кол-во населения	Кол-во станиц	Кол-во казачьего (войскового) населения от общего (%)
Черкасский	1 259 584	55 714	76 100	12	73	1 015 693	87 429	210 762	13	41
Первый Донской	1 289 747	84 946	97 537	19	87	1 605 879	187 468	256 083	26	73
Второй Донской	2 831 535	144 902	167 269	21	87	2 418 799	185 156	218 016	16	85
Усть-Медведицкий	2 542 220	169 939	205 752	21	83	1 883 664	174 587	235 636	18	74
Хоперский	1 661 963	119 413	144 300	25	83	1 652 267	179 412	230 462	25	78
Донецкий	1 841 871	72 848	174 249	7	41	2 568 760	217 316	464 593	12	47
Миусский (Таганрогский)	1 156 393	1674	149 344	1	1	1 273 933	6016	437 074	1	1
Ростовский	—	—	—	—	—	626 724	12 322	352 627	2	3
Сальский	—	—	—	—	—	1 975 173	34 993	63 318	2	55

Сведения из таблицы отражают общую тенденцию социально-демографических изменений в Донском крае. Во второй половине XIX в. темпы прироста населения на Дону в значительной степени опережали общегосударственные, а в 1885–1897 гг. по темпам прироста населения ОвД занимала первое место с показателем 61,6 %, на фоне общероссийского в 14,3 %⁴⁹. В этом процессе важную роль занимали разрешение в 1868 г. «русским поданным невоинского сословия» селиться и приобретать недвижимость в пределах ОвД, а также изменения в аграрном производстве и земле-обеспеченности в России в целом в условиях капиталистического развития. Если до 1868 г. при незначительных, по сравнению с предыдущим временем, темпах роста населения главным источником его пополнения был естественный прирост казачьего и местного крестьянского сословий, то после 1868 г. стремительное увеличение численности донского населения происходило за счет миграции из аграрно-перенаселенных губерний Европейской России. В итоге это привело к сокращению представительства казачьего сословия

в структуре населения Дона и к превалированию неказачьих сословий над казачьим в целом по Области.

По-прежнему «казачьими» округами оставались Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский. Черкасский округ потерял статус «казачьего», то же произошло и с его окружной станицей и одновременно административным центром ЗвД-ОвД Новочеркасском. Столица Донского края состояла первоначально из трех станиц Верхне-, Средне- и Нижне-Новочеркасской (в 1878 г. из двух станиц, в 1889 г. – одна станица) и располагалась на реках Аксай и Тузлов. По переписи 1867 г. в Новочеркасске насчитывалось 22 653 жителя, из них коренных, приписанных к станицам, то есть войскового сословия – 10 942 человека, остальные являлись переселенцами из других станиц и иногородними. К 1872 г. число жителей увеличилось на 10 744 человека (всего – 33 397 человек), в основном за счет приезжих, так как количество коренных стало больше всего на 2145 человек, то есть 12 637 человек⁵⁰. По данным всероссийской переписи 1897 г., в столице Донского края числилось уже 67 178 человек, в том числе: коренного населения – 26 497 человек, жителей из других мест – 21 643 человека, иногородних – 19 038 человек⁵¹. Таким образом, если до 1870-х гг. количество коренных жителей (станичников) Новочеркасска составляло практически половину от общего числа проживающих, то в последующий период перевес находился в руках приезжих и неказачков.

Донецкий округ оказался единственным, который не только прирос землями, но и увеличил свое казачье население. Округ стал самым крупным в составе ОвД⁵². В начале XX в. «громадность» территории округа неоднократно приводила к предложениям по его разделению на две части. И только финансовая сторона в организации предполагаемого нового окружного управления сдерживала власти от такого шага. Правда, современники считали, что «население (Донецкого округа. – В. А.) на свои поездки в отдаленную окружную станицу тратит столько же лишних денег, сколько стоило бы это новое управление»⁵³. Однако это мнение не повлияло на территориально-административные преобразования в ОвД до 1917 г.

Почему Донецкий округ так вырос в масштабах – это вопрос, ответ на который остается пока открытым. Возможно, это как-то было связано с распределением частных земельных владений в ОвД. Дело в том, что на Донецкий округ, как и на Миусский (Таганрогский), приходится наибольшее количество земель бывших донских помещиков, а также срочных земельных участков донских казаков-чиновников, с 1870 г. перешедших в их полную потомственную собственность.

Несмотря на незначительное количество станиц в округе, они в то же время отличались многочисленностью населения, удерживая первенство среди станиц других округов. Так, в конце 1860-х гг. в Донецком округе из 7 станиц (вместе с хуторами) только во Владимирской станице проживало чуть более 1000 казаков и казачек, в остальных же – Усть-Белокалитвенской, Каменской, Гундоровской, Митякинской, Луганской, Калитвенской – проживало более 10 тыс. казаков и казачек в каждой. В Черкасском округе из 12 станиц (не считая трех Новочеркасских) наиболее крупными (более 4 тыс. казаков и казачек) являлись Елисаветовская, Аксайская, Старочеркасская и Манычская станицы. В Первом Донском округе из 19 станиц наиболее крупными (более 4 тыс. казаков и казачек) являлись Бессергеновская, Раздорская, Семикаракорская, Кочетовская, Константиновская, Богоявленская, Николаевская, Верхне-Кундрюческая, Нижне-Кундрюческая, Усть-Быстрианская и Екатерининская станицы. Во Втором Донском округе из 21 станицы наиболее крупными (более 6 тыс. казаков и казачек) считались Нижне-Курмоярская, Потемкинская, Верхне-Курмоярская, Есауловская, Кобылянская, Нижне-Чирская, Чернышевская, Верхне-Чирская, Пятиизбянская, Голубинская, Иловлинская и Сиротинская станицы. В Усть-Медведицком округе из 21 станицы наиболее крупными (более 6 тыс. казаков и казачек) являлись Кременская, Клецкая, Распопинская, Усть-Медведицкая, Усть-Хоперская, Еланская, Вешенская, Мигулинская, Казанская, Глазуновская,

Скуришенская, Арчадинская и Островская станицы. В Хоперском округе из 25 станиц наиболее крупными (более 4 тыс. казаков и казачек) считались Кумылженская, Слагцевская, Федосеевская, Зотовская, Луковская, Михайловская, Алексеевская, Дурновская, Ярыженская, Аннинская, Филоновская и Преображенская станицы.

К началу XX в. появятся новые станицы (Милютинская, Чертковская, Великокняжеская и др.), поменяется география окружной прописки части станиц в связи с административно-территориальным переустройством ОВД, но численная пропорциональность населения и масштабы станиц останутся практически неизменными с 1860-х гг.

Казачье население в официальных документах второй половины XIX – начала XX в. относилось к «войсковому сословию» и внутренне не являлось однородным. Среди казаков традиционно выделяют: дворян (потомственных и личных), собственно казаков и казаков, входящих в состав торгового общества. Отдельное положение занимали священнослужители казачьего происхождения. По отношению к военной и гражданской службе (внешняя, внутренняя, отставка) казаков также разделяют по чинам: генералы, штаб-офицеры, обер-офицеры, классные чиновники, юнкера, унтер-офицеры и урядники, казаки и малолетки.

Рядовые казаки-станичники представляли основную массу донского казачества. Именно они из поколения в поколение воспроизводили традиции, хозяйственный уклад и патриархальный образ жизни, завязанные на военной службе. Нарастающие имущественные противоречия, разный образовательный уровень казаков, узко станичные или окружные интересы, проходя через своеобразный плавильный котел военной службы, расширяющий географический, этносоциальный, бытовой кругозор казака, лишь только корректировали существующий высокий уровень самосознания массы казачества по сравнению с другими сословиями империи, в первую очередь с крестьянством. Историческая, «нелитературная» память о боевых потерях и заслугах вырабатывала у казачества особое ценностное отношение к своей земле, завоеванной кровью предков, к своему привилегированному, как ему казалось, положению на ней, к противопоставлению себя «другим», «чужим». Упомянутый уже донской офицер, писатель и краевед Н.И. Краснов в начале 1860-х гг. писал: «Частое посещение Петербурга, Варшавы, Гельсингфорса и других городов империи имеют самое благодетельное влияние на улучшение домашнего быта казаков, и скоро простые казаки в своих правах и обычаях будут подходить к русскому мелкому дворянству; по крайней мере, материальное благосостояние их этому не мешает»⁵⁴. Прогноз Н.И. Краснова оказался слишком оптимистичным. Однако разрыв между уровнем жизни простых станичников и основными представителями донского казачьего дворянства действительно был не столь очевиден в сравнении с русским крестьянством и дворянством.

Донское казачье дворянство являлось органичной частью «войскового сословия» и относилось к «служилому дворянству», то есть дворянское звание могло быть присвоено любому казаку при достижении определенного чина на военной или гражданской службе, который, в свою очередь, обеспечивался более широкими земельными правами и возможностями занимать должности по управлению войском. До отмены крепостного права донские дворяне подразделялись на поместных и мелкопоместных (отличающихся друг от друга «древностью и именитостью» рода, размером владений, количеством крепостных крестьян или же их отсутствием), а также на беспоместных дворян, владельцев пожизненных, с 1858 г. срочных участков земли или ожидающих их получения. После 1870 г. условия для землевладения оказались равными для всех донских дворян, что, однако, не предотвратило кризиса и упадка дворянских поместных хозяйств на Дону в конце XIX – начале XX в.

Донские казаки, занимающиеся торговлей, в середине XIX в. делились на три разряда. Первый разряд – это лица, зачисленные в Донское торговое общество и освобожденные лично от военной службы за взнос пошлины в войсковой капитал около 63 р., а также в общественный торговый капитал около 25 р. в год с каждого. Второй разряд – лица, не состоящие в тор-

говом обществе, но торгующие на сумму свыше 300 р., с пошлиной около Юр. Эти лица не освобождались от службы, но имели право предоставить вместо себя наемщика. Третий разряд – торгующие на сумму ниже 300 р. Они освобождались от всех пошлин, но в обязательном личном порядке отбывали воинскую повинность.

В общество могли поступать только казаки. Желающим предоставлялось право зачисляться и целыми семьями, но с взносом пошлины в войсковой капитал за каждое лицо, обязанное службою. По свидетельству современников, многие зажиточные казаки записывались на короткий срок в торговое общество для уклонения от призыва на службу. В связи с этим власти квотировали количество членов общества. В 1859 г. в торговом обществе числилось около 1000 человек. Купцы-казаки в основном проживали в г. Новочеркасске и Черкасском округе, в станицах Аксайской, Старочеркасской, Елисаветовской и Гниловской. В 1870 г. ограничения были сняты, и уже через год в обществе состояло 2779 человек, которые внесли в войсковой капитал около 175 тыс. рублей⁵⁵. Впоследствии, под влиянием отмен льгот по отбыванию воинской службы, увеличения положенных отчислений в войсковой капитал, а также роста численности иногороднего купечества, торговое общество казаков сократилось до 200 человек и утратило свое значение. Попытки властей административными мерами как-то поддержать торговое общество казаков, по мнению Е.П. Савельева, специально изучавшего этот вопрос в начале XX в., не увенчались успехом. Многие торговые казаки «стали исключаться из войскового сословия и причисляться к мещанским обществам»⁵⁶.

Большинство же рядового казачества предпочитало оставаться в своем «сословии» и проживать в родной станице, в близких сердцу местах. На наш взгляд, С.Ф. Номикосов был абсолютно прав, когда писал о том, что «„нигде, быть может, так не развита любовь и преданность к родному краю, как на Дону. Где бы ни жил казак, а прожить свои последние дни и сложить кости жаждет он на родине. Умереть в кругу родных и знакомых, в своей станице – заветное желание казака»⁵⁷.

Здесь мы переходим к характеристике донского казачества второй половины XIX – начала XX в. с точки зрения этнографии и антропологии. Начнем ее со слов Н.И. Краснова, высказанных в начале 1860-х гг.: «Одежда, вооружение и частная жизнь казаков так изменились в последние 40 лет, что мы не встречали и тени того, что написано об этом предмете г. Сухоруковым в «Русской старине» и г. Броневским в его истории Войска Донского»⁵⁸. Об этом мнении Н.И. Краснова важно помнить при ознакомлении с различными бытовыми казачьими зарисовками периода заката Российской империи, когда под влиянием капиталистической модернизации те или иные аспекты народной жизни развивались еще более динамично по сравнению с предыдущим временем.

Первые описания донских казаков, похожие на этнографические, появляются еще в XVIII в. В середине следующего века отец Н.И. Краснова генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов, один из ярких представителей казачьего рода Красновых⁵⁹, сыгравшего важную роль в общественно-политической и военной истории Дона, поместил оригинальную статью «Верховые и низовые казаки» в одном из первых номеров столичного журнала «Военный сборник»⁶⁰. Квинтэссенцию этих наблюдений отца старательно воспроизвел, а где-то дополнил Н.И. Краснов в неоднократно упомянутых нами «Материалах для географии и статистики». Внимательный читатель, знакомый с краеведческой литературой, обнаружит, что многие последующие описания донского казачества дореволюционного периода будут весьма похожи на красновские заметки⁶¹, что одновременно указывает как на возможный компилятивный их характер, так и на правильность и точность в глазах более поздних авторов сделанных Красновыми наблюдений над казаками. Вот как они выглядят в обобщенном и сокращенном виде.

Красновы, следуя народной традиции, делят казаков на «верховых» и «низовых», но также упоминают еще и так называемых «серединцев». В глубокую старину только жители

Старочеркаска «кроме самих себя никого низовыми казаками не признавали и всех живущих в станицах выше города звали чигую»⁶². В середине XIX в. к «низовым» казакам стали относить жителей станиц Старочеркасской, Аксайской, Гниловской и Елисаветовской, а также г. Новочеркаска. В 1880-х гг. С.Ф. Номикосов к «низовым» причислил также станицы Александровскую, Манычскую, Грушевскую и Кривинскую, отметив, что «границной черты между низовыми и верховыми казаками провести невозможно, по народному же воззрению, низовые казаки живут в Черкасском и отчасти в 1-м Донском округе, а верховые в округах: 2-м Донском, Хоперском и Усть-Медведицком. Округ же Донецкий стоит сам по себе. Некоторые аналитики, заручившись делением казаков на низовых и верховых, находят разницу не только в образе жизни, в пище, жилище, одежде тех и других, но и в самой их физиономии»⁶³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.